

9 декабря взял в руки газету «Завтра». На первой странице — портрет Александра Ивановича Казинцева и сообщение о его кончине. Оцепенел: этого не может быть, не верю. Перечитал текст ещё раз, горе разлилось по жилам. Вспомнилось: ведь поделись мы с ним не так и давно — в конце октября. Я принес в журнал «Наш современник» большой материал — 60 страниц, под названием «Феномен нашего времени» — публицистическую статью. Он пролистал её, сказал: «Многовато, сократить надо. Опубликуем в двенадцатом номере или в первом в новом году». Я говорю: «А не побойтесь, здесь же обоснованная критика власти, да к тому же высказано негативное отношение к деятельности Зюганова, а вы ведь были когда-то его доверенным лицом?» Ответил коротко: «Не побоюсь. Страна движется неизвестно куда, бояться — преступно». Поболтали на общие темы и расстались.

Посмотрел ещё раз на фотографию Александра Ивановича в газете — защемило сердце: красивое, одухотворенное лицо, ясный взгляд, глаза умного человека. Он мне всё время своим обликом напоминал кого-то из известных людей. Но эту мысль я не удосуживался додумать до конца.

А сейчас напряг память, определил: Александр Иванович похож на Аксакова, изображение которого в детстве видел в учебнике по литературе, известного поэта пушкинского времени, обладавшего кроме поэтического дара и многими другими талантами. В интернете нашёл портрет Аксакова: да, схожесть есть, но не только внешняя — оба эти человека были выдающимися деятелями в области русской словесности. Поразило и то, что и прожили они почти одинаковое количество лет: Аксаков — 68, Казинцев — 67. Но для Аксакова в XIX веке это был далеко преклонный возраст, а 67 лет Казинцева в XXI столетии — возраст зрелости, да и воспринимался Александр Иванович как молодой человек: румяный, подвижный, на лице — ни одной морщинки. Передаю ему привет от Лолы Звонарёвой, его хорошей знакомой, шучу: «В вашем окружении, как я замечаю, все женщины — молодые и красивые». Шутку принимает, усмехается: «Да, это так». Эх, Александр Иванович, жить бы вам да жить.

Вспомнил, как мы с ним познакомились. Было это в 2011 году. Один глубоко неуважаемый персонаж опубликовал в журнале «Наука и жизнь» серию статей с претензией на фило-

софское осмысление нашей сложной сегодняшней жизни. В каждой статье сочилась подлость человека, активного участника разгрома Советского Союза. Возмущению моему не было предела. Смаху написал статью-ответ и отнёс её в «Науку и жизнь». Отказались публиковать: у нас издание научно-информационное, а не дискуссионное. Куда податься? Пошёл в редакцию газеты «Завтра». А. И. Проханов определил меня к Александру Алексеевичу Нагорному, своему заместителю, ныне почившему. Он материал одобрил, но дня через два позвонил и сказал: главный категорически против публикации, не хочет пиарить критикуемого мной негодяя ни в какой форме. Утешил: «Я позвонил Куняеву. Идите к нему, статью опубликуют в «Нашем современнике». От Куняева я попал

к Александру Ивановичу Казинцеву, и с этого момента началась наша с ним творческая дружба. Статью он опубликовал в четвёртом номере за 2012 год, немного её сократил и, с моего согласия, дал ей хлёсткое название «Перевертыш морализует».

Почти каждый год я приносил Александру Ивановичу по одной публицистической статье на темы нашего сложного бытия. Он их публиковал без задержки. Вспоминаю с грустью о конфликте, который случился у нас с ним в 2016 году. В моей статье «Были люди ...» о герое Великой Отечественной войны В. И. Чернове, проживающем в Зеленоградске, что в Калининградской области, город почему-то превратился в Зеленоград, а он, как известно, находится недалеко от Москвы. Я, возмущённый, отправил Александру Ивановичу по

электронной почте письмо, в котором заявил: поскольку верстка статьи со мной не была согласована и, таким образом, нарушено право автора, я не намерен в дальнейшем сотрудничать с журналом. Погорячился, это факт. Моя знакомая, поэтесса И. Матвеева, рассказала мне: Александр Иванович переживал, говорил — обидел Николая Леонидовича и сожалеет об этом. А я подумал: «Это не он, а я его обидел. Вёрстку он мне не прислал потому, что редактирование было чисто косметическое. А название города наверняка «подправил» корректор». Решил: надо повиниться. Пришёл к нему с очередной статьей, был встречен с радостью. У меня гора с плеч свалилась. Дальнейшие наши контакты проходили, как прежде: доброжелательно и уважительно.

«Александр Иванович, мне будет вас не хватать», — слабо сказано. Без вас весь литературный мир обеднеет, это бесспорно. А я не могу даже представить, как приду в редакцию журнала «Наш современник», а вас

там нет. Грешен, из всего, что написано вами, читал только публицистику. Утешаю себя: но она ведь и есть самое главное в вашем творчестве, в вашей борьбе. Приятно: идеи ваши, ваши устремления близки и мне, а проще сказать — это и мои идеи. У нас с вами, не сговариваясь, например, обозначилось одинаковое отношение к народным предприятиям, этому осколку социализма на производстве.

Я намного старше вас, Александр Иванович, но могу сказать, и по жизни имею на это право: не уйди вы от нас так непредсказуемо неожиданно, я с вашей помощью мог бы сделать ещё много хорошего в литературе. Прощай, друг, пусть земля тебе будет пухом, а мы, оставшиеся жить, будем помнить тебя, твой бойцовский характер, твою улыбку, твоё литературное наследство.

Николай Пирогов,
доктор экономических наук,
профессор, член Союза писателей
России